

Памяти Т. Н. Денисовой

С. А. Ватченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**ИСКУССТВО БЫТЬ ЧИТАТЕЛЕМ.
ГЕРОЙ И ЕГО ИСТОРИЯ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА**

Літературні критики слушно називають пізню прозу Джеймса філософською. Безперечно, тенденційно побудований сюжет-пошук та герой, який наближається до істини, присутній у текстах «Веселого куточка», «Звіря у джунглях», «Послів». Проте витончений артистизм письменника, засвоєні ним прийоми символічного інакомовлення, змішення жанрових кодів, численні синестетичні асоціації прирікають читача на складний шлях-сходження до універсальї смислу культури, позачасових та вічних, згідно з Джеймсом. У творах пізньої манери Джеймс довіряє м'яким, реф-

лектуючим персонажам, “poor sensitive gentlemen”, осмислити злам епох, вдивитися у зміни, які відбуваються у людських душах, зрозуміти неминучість народження нового та складність розставання з минулим. Звучання теми часу, усвідомлення його як внутрішнього стану та динаміки зовнішньої реальності, бажання збагнути ритми історії, не попасти у пастку безчасовості посилюються у творчості Джеймса на рубежі століть.

Ключові слова: злам епох, філософська проза, універсалії смислів культури, тема часу, сюжет-пошук, артистизм, символічне інакомовлення, синестетичні асоціації.

Литературные критики справедливо называют позднюю прозу Джеймса философской. Несомненно, тенденциозно выстроенный сюжет-поиск и герой, которого посещает истина-озарение, присутствуют в текстах «Веселого уголка», «Зверя в джунглях», «Послов». Однако утонченный артистизм писателя, освоенные им приемы символического иносказания, смешение жанровых кодов, обилие синестетических ассоциаций обрекают читателя на трудный путь-восхождение к универсалиям смыслов культуры, вневременных и вечных, следуя Джеймсу. В произведениях поздней манеры Джеймс доверит мягким, рефлектирующим персонажам, “poor sensitive gentlemen”, осмыслить перелом эпох, всмотреться в перемены, происходящие в человеческих душах, понять неизбежность рождения нового и сложности расставания с прошлым. Звучание темы времени, осознание его как внутреннего состояния и динамики внешней реальности, желание угадать ритмы истории, не угодить в ловушку безвременья усиливаются в творчестве Джеймса на рубеже столетий, когда обостренно ощущается атмосфера смены веков.

Ключевые слова: перелом эпох, философская проза, универсалии смыслов культуры, тема времени, сюжет-поиск, артистизм, символическое иносказание, синестетические ассоциации.

Literary critics call James' late prose a philosophical one. Undoubtedly the plot which is tententionally built quest-like and the hero who finds out the truth are present in the texts of “The Jolly Corner”, “The Beast in the Jungle”, “The Ambassadors”. Though the refined artistry of the writer, the devices of the allegory, the mixture of genre codes, variety of synaesthetic associations condemn the reader to the difficult ascent to the universal meanings of the culture, that are eternal according to James. In the works of the late phase James commits to the gentle self-reflective characters – “poor sensitive gentlemen” – to understand the turn of the centuries, to perceive the changes that take place in the culture, the human souls, to comprehend the inevitability of the birth of the newness and the complication of the departure with the past. The theme of time, the realizing of it as the internal condition and the dynamics of external reality, the desire to guess the rhythms of the history and not to be entrapped in the timelessness are increased in the literary works written by James at the turn of the centuries.

Keywords: the turn of the centuries, philosophical prose, the universal meanings of the culture, the theme of time, quest-like plot, artistry, allegory, synaesthetic associations.

В наполненный свежестью и июньской прохладой день на перроне парижского вокзала появляется семейство американцев, лишь две недели тому назад покинувших родную страну, городок обитания Вуллет, расположенный в штате Массачусетс. Они отнюдь не робеют на нарядных улицах европейской столицы, напротив, излучают уверенность в себе и великодушие. Дамы красивы. Ту, которая постарше, отличают сдержанные, властные манеры. Другую, помладше, выделяют за дружелюбие, веселый нрав, прелестные голубые глаза, маленький носик. Их сопровождают практичный, щедрый муж и брат, а также горничная, распоряжающаяся багажом. Встречающих трое, это родственники и друзья. Среди них Луи Ламбер Стрезер, пятидесятипятилетний издатель вуллетовского обозрения, его приятель, известный юрист Джон Уэймарш и наследник большого состояния двадцативосьмилетний Чедвик Ньюсем. Все выказывают дружеское расположение, радушие, заинтересованность в общении.

На первый взгляд, эпизод, описывающий будни путешественников, их прибытие в отель, предвкушение новых впечатлений – заурядный поворот в жизни героев одного из последних романов Джеймса. Событийный ряд «Послов» (“The Ambassadors”, 1903), действительно, незатейлив, если довериться внешнему легковесному впечатлению, соотнесен со скандальным для добропорядочного общества прецедентом, любовным союзом искусственной красавицы-парижанки и молодого американца, перечеркнувшего свое блестящее будущее в обмен на бесславные, по мнению его родственников, отношения. Поэтому и приезжают Пококи в Париж, а тридцатилетняя Сара Покок, такая же привлекательная, как и мать, умевшая быть «неприятной, при том, что оставалась любезной» [4], приходится старшей сестрой строптивцу Чедвику, позабывшему о здравомыслии и морали Вуллета. Пококи облечены дипломатической миссией, им необходимо вернуть младшего Ньюсема в семью, которая «процветает», владеет фабриками, входит в элиту городка и не сомневается в своей значимости. Тем более что поручение Адели Ньюсем, которая после смерти Абея Ньюсема управляет финансовой империей, безнадежно провалено ее избранником, Луи Ламбером Стрезером, неожиданно принявшим сторону Чедвика.

Приехавший в Европу Стрезер в марте сходит с корабля в Ливерпуле, позже, задержавшись в Лондоне, перебирается в Париж, где с восхищением оценивает метаморфозу, происшедшую с младшим Ньюсемом. Он заново открывает для себя человека, который разительно изменился. Прежде нескладный провинциальный юноша преобразается в уверенного в себе мужчину с хорошими манерами, порою выказывающего больше опыта в обхождении с людьми, нежели Стрезер. Теперь проживший долгую жизнь Стрезер пытается понять, как из посланника, прежде не сомневающегося в авторитете Адели Ньюсем, а также моральных ценностях Вуллета, он превратился в «адвоката» Чедвика, его возлюбленной Марии де Вионе и сделал выбор в пользу свободы и красоты, пронизывающих культуру Парижа.

Стрезер находится вне родины уже три месяца, дни его заполнены встречами со знакомыми и неизвестными людьми, европейцами, соотечественниками, он жадно впитывает новые впечатления, наблюдает нравы¹. Никому из окружающих, даже близким друзьям, Стрезер не открывает своих чувств, не рассказывает о терзающих его душу воспоминаниях, смерти юной жены, единственного сына, крушении надежд, которыми были так полны он и его спутница, отправившись в свое первое путешествие по Европе. Стрезеру суждено повторить прежний маршрут спустя десятилетия.

Выбор фигуры Стрезера на роль главного героя романа одним из исследователей представляется провокационным (Г. Блум), другим – пронизательным («джеймсовская версия Пруфрока»), большинству – безошибочным. Иногда «Послов» называют «Портретом джентльмена» (“The Portrait of a Gentleman”), текстом, на долю которого выпал такой же читательский успех, каким наградила благодарная аудитория роман Джеймса о судьбе Изабеллы Арчер (“The Portrait of a Lady”, 1880–1881) [9]. Свойства природы Стрезера, его житейская история идеально «притягивают к себе» темы и мотивы, к которым автор никогда не оставался равнодушен. Джеймс постоянно проявлял интерес к характерам, наделенным тонкой душевной организацией, поэтическим мироощущением, испытывающим

¹ Приметы времени присутствуют в романе неявно, однако по брошенным вскользь репликами персонажей возможно предположить, что описываемые события соотносятся с 70–80-ми гг. XIX ст.

разлад со средой, утверждающей ценности здравого смысла, трезвого расчета и, непременно, материального успеха. В то же время писатель не впадает в сентиментальность, допуская на литературную сцену персонажей-«энтузиастов», напротив, иронично, хотя сочувствуя, рисует присущие им слабости, наивность, обреченность на проигрыш (“defeated protagonist”) [9; 10]. И неподдельно удивляется их востребованности культурами сменяющих друг друга эпох.

Джеймс предугадал, что критики не устоят перед искушением увидеть в Стрезере его автобиографического двойника, открыто не противостоял свободе читательских ассоциаций, однако очертил дистанцию между собою и героями его прозы, подводящими итоги пути: Луи Ламбером Стрезером («Послы»), Джоном Марчером («Зверь в джунглях», 1903), Спенсером Брайдоном («Веселый уголок», 1908), показав близость и расхождение версий экзистенциального переживания необратимости времени [12–14].

В своих поздних текстах Джеймс доверит мягким, рефлектирующим персонажам, “poor sensitive gentlemen”, осмыслить перелом эпох, всмотреться в перемены, происходящие в культуре, человеческих душах, понять неизбежность рождения нового и сложность расставания с прошлым. Звучание темы времени, осознание его как внутреннего состояния и динамики внешней реальности, желание угадать ритмы истории, не угодить в ловушку безвременья усиливаются в творчестве писателя на рубеже столетий, когда обостренно ощущается атмосфера смены веков.

У литературных героев Джеймса: Стрезера, Марчера, Брайдона, жизненные истории не совпадают, разнятся также и глубина «прописанности» характера. Вероятно, они – современники, существуют в порубежную эпоху. Мир властвует над ними, владеет судьбами, вовлекает в среду, которая норовит подчинить их. Все же стихия духа, сознания позволяет не раствориться в обыденности, но, скорее, побуждает воздействовать на нее.

Спенсер Брайдон, персонаж рассказа «Веселый уголок» (“The Jolly Corner”), возвращается в родной Нью-Йорк спустя десятилетия [14]. Он не может не заметить грандиозных перемен. Мощь новизны поражает, едва ли можно остаться безучастным к зрелищу преобразования привычной реальности. Однако он не готов однозначно воспринимать странности превращения. Брайдон обескуражен, «...соотношение и ценности – все перевернулось... То неприглядное и устарелое, чего он ожидал и что в дни его юности так оскорбляло его рано пробудившееся чувство красоты, теперь приобрело для него даже какое-то обаяние, тогда как все «хваленое», современное, грандиозное, прославленное, с чем он теперь ... хотел ознакомиться, ... именно это становилось для него источником тревоги» [2, с. 634].

Сталкиваясь с необходимостью перестроить обветшавшие дома, доставшиеся ему в наследство, Брайдон неожиданно открывает в себе деловую хватку, дарование строителя, азартно воспринимает суету жизни. Озадаченностью натуры, он терзается вопросами о событиях прошлого: ссоре с отцом, отъезде вопреки его воле в Европу. Брайдон, исполненный сомнений, придет с давним другом, Алисой Ставертон, в дом, принадлежавший трем поколениям семьи, а теперь опустевший. Дом, когда-то названный «Веселым уголком», полон звуков, тайн, памяти об ушедших. В течение нескольких недель Брайдон «навещает» дом, прохаживается по анфиладам комнат, ему чудится, что кто-то преследует его.

В одну из осенних ночей он встретит здесь, как полагает, свое «второе я». Сгустится тьма и проступит облик того, кем, по его мнению, он мог бы стать,

если бы не покинул Америку. Одинокая, угрюмая фигура, призрачная, вместе с тем реальная, возникнет перед Брайдоном в проеме двери, ведущей к выходу. Он не сразу рассмотрит черты незнакомца. Только когда тот отведет ладони, загораживающие лицо, Брайдон заметит искаленную правую руку и горько посмеется над собой. Злобное, надвигающееся на него лицо не совпадало с его собственным, было чужим и чудовищным. Качнувшись, Брайдон теряет сознание, видения отступают. Когда Брайдон придет в себя, Алиса Ставертон успокоит и озадачит его. Неизвестный, явившийся Брайдону к рассветному часу, знаком Алисе, он приходит в ее сны. И это – Брайдон, только другой, ему она сострадает, а любит и восхищается подлинным.

Джеймс выделял среди своих произведений историю о Брайдоне, признавал, что она удалась. Критики с ним соглашались, называли «Веселый уголок» шедевром, удивлялись тому, как автор сумел соединить тонкую по нюансировке психологическую прозу и игровой текст-мистификацию [1]. В Брайдоне узнавали Джеймса, открыто проводили биографические параллели, напоминали о трудности, а порою невозможности, совершить героем, alter ego писателя, выбор между Европой и Америкой, проницательно подмечали, что Алиса Ставертон – тезка сестры и невестки Джеймса [1; 6]. Исследователи убеждены, что «Веселый уголок» не имеет однозначного прочтения. Также относительны и неустойчивы репутации персонажей-антагонистов в рассказе, идеалиста-романтика, в одночасье ставшего обладателем богатого наследства, и энергичного, деятельного двойника героя, а, быть может, загадочно «материализовавшегося» предка Брайдона, строителя родового гнезда, принадлежавшего ему по праву.

Джон Марчер из знаменитого рассказа Джеймса «Зверь в джунглях» лишен бунтарского нрава Спенсера Брайдона, едва ли он отважится на решительный поступок пойти против воли отца и выбрать собственный путь. Жизнь его размеренна, складывается из государственной службы, визитов к лондонским приятелям, заботы о загородном саде, собранной им библиотеке, небольшом наследственном имуществе [3, с. 602]. Несомненно, обладая способностями, Марчер ощущает себя неудачником. Окружающие не разглядят в его глазах печали и страха, кроме случайной знакомой, с которой встретится в Италии, в Сорренто, и только ей поведаст о гнетущем предчувствии чего-то необыкновенного, что непременно сокрушит его. И хотя судьба, казалось бы, равнодушна к Марчеру, все же она смилостивится и подарит ему общение с великодушной и красивой молодой женщиной Мэй Бартрем, которая будет рядом с ним многие годы.

Пройдет время, Мэй Бартрем преданно хранит тайну Марчера, она участлива, внимательна, а Марчер, опасаясь выглядеть назойливым и эгоистичным, поддерживает с ней ровные отношения, скорее дружеские, не отваживаясь на большее. Он теряется в догадках, затрудняясь объяснить внимание со стороны Мэй, и предполагает, что ею движет снисходительность, такт и всего-навсего любопытство к его судьбе. Герои старятся, ожидание неотвратимого будущего приобретает черты ритуала. В изменившемся настроении Мэй Марчер подметит новые оттенки, отчужденность, мудрую печаль и взволнованно упрекнет ее в том, что она что-то утаивает. Опасение и тревога переполняют душу Марчера, его сердце замирает от боязни потерять Мэй Бартрем, изводят его сомнения в обманчивости надежд на великое событие, которое, лишь свершившись, оправдает его жизнь.

Привычное течение дней и вправду нарушится, тяжелая болезнь завладеет Мэй, страдания возвысят ее над обыденностью, придадут произнесенным словам весомость пророчества. Верная Мэй, покидая Марчера навсегда, пытается уте-

шить, поддержать отчаявшегося, смягчить его трепет перед настоящим и подсказать, что «какая бы реальность не была, она реальна» и дверь в нее открыта [3, с. 618]. Однако Марчеру пока не дано услышать и понять Мэй, он полон переживаний, мир его замкнут, опыт невелик.

После утраты Мэй Марчер отправляется в путешествие. Первозданность впечатлений от встречи с Востоком не радует его остротой, все ему представляется одноцветным и предсказуемым. И только после возвращения в Лондон, очутившись у могилы друга, Марчер почувствует глубокое волнение, с ужасом заглянет «в пустынный провал своей жизни» и осознает, назначенное свершилось: «чаша ... выпита до последней капли, он оказался человеком ... с которым ничего не может случиться» [3, с. 631]. Открывшаяся Марчеру «уродливая истина», нелепая поглощенность собой, своими причудами, память о Мэй, смирившейся с наивностью его ожиданий, приводят к потрясению. Однако с Марчером не произойдет ничего невероятного, разительного. Чудовищный зверь, набросившийся на героя, так поначалу Марчер ощущал угрозу, исходящую от внешнего мира, – это, скорее, аллегория его опустошенности и тоски. Казалось бы, Марчер сокрушен. Глубокая скорбь, чувство вины оказываются непереносимыми, лишают сил. На кладбище Марчер валится на могилу Мэй. Завершен ли его земной путь? Бесславен ли его конец? Либо вновь он спасен любовью и к нему вернутся человечность и полнота отношений с миром?

Между рассказами «Зверь в джунглях» и «Веселый уголок» пролегает небольшой временной интервал. Близкий по объему к повести «Зверь в джунглях» включен автором в сборник “The Better Sort” («Лучшие из лучших»), появившийся в печати в 1903 г. Спустя пять лет «Английское обозрение» познакомит читателя с текстом «Веселого уголка», позже оба рассказа войдут в 17 том нью-йоркского издания собрания сочинений Джеймса (1909) и станут наиболее заметными в его малой прозе. Напомним, что исследователям, которым хорошо известна история жизни писателя, трудно не поддаться искушению увидеть в литературных героях последних лет творчества автобиографические маски самого Джеймса и благодаря этому приблизиться к пониманию ценности индивидуального существования в узнаваемых реалиях культуры. Известно, что Джеймс участливо подсказывал читателям и критикам направленность интерпретации собственных текстов. В «Веселом уголке» предлагал обратить внимание на попытку воплощения темы двойничества через рефлексию над идентичностью образа основного персонажа, где концепт «альтер эго» расценивался как нереализованные либо упущенные возможности. В «Звере в джунглях» Джеймс объяснял драматизм существования робкого, неуверенного в себе героя верой в избранничество и отмеченность судьбою, хотя удел его, увы, заключался в умении претерпеть заурядное течение жизни.

Луи Ламберу Стрезеру, герою романа «Послы», его Г. Блум назовет «духовным автопортретом» Генри Джеймса [9, р. 12], суждено пережить избавление от предрассудков, предвзятости суждений, отбросить запреты провинциальной морали и принять жизнь как полноту чувств, особое эстетическое состояние души. Очутившись в Париже, Стрезер не только преодолет расстояние между родной страной и Европой, но и из пространства традиционной культуры, где ценят респектабельность, устойчивость репутации, основы нравственности, брака, размеренность, предсказуемость поступков, попадет в реалии современной эпохи. В ней живут динамично, ощущением новизны, предчувствием свершений, ожиданием пьянящей свободы и перемен. Подобно Спенсеру Брайдону и Джону Мар-

черу по завершении истории, ему немало лет, память постоянно возвращает его в прошлое, спонтанная жизнь сознания героя открыта читателю. Пребывание в Европе воспринимается Стрезером как случайная и счастливая возможность побыть одному, заново осознать роковую цену утрат, попытаться вжиться в роль удачливого избранника незаурядной женщины и непременно выполнить перед нею долг, вернуть сына, околдованного городом-праздником Парижем. Тонкий, деликатный по натуре, он ощущает двусмысленность данного поручения, робеет от того, что придется вмешаться в чужую любовную историю, медлит, стремится составить мнение о Чед с помощью друзей, заводит новые знакомства, посещает выставки, театры и, наконец, открывает для себя, что так же, как и Чед, подвластен магии Парижа. Стрезер очарован его парками, бульварами, Сенной, с удовольствием становится частью веселящейся, неунывающей толпы, заполняющей живописные кафе и днем, и ночью. Наконец-то Стрезер встречается с Чедом Ньюсомом и его подругой, их манеры, светскость, образованность производят на него впечатление, и из бесстрастного наблюдателя Стрезер превращается в заинтересованное лицо и персонажа любовной салонной комедии, которую перед ним разыграют герои на фоне эпохи и бульваров Парижа. Луи Ламбер Стрезер, философ-книжник, странник и моралист (по воле Джеймса семантика имени героя причудливо смешивает эти мотивы), выйдет из трудных обстоятельств проигравшим сражение победителем. Он потеряет доверие Адели Ньюсем, «дипломатическая» миссия будет прервана, примирение со строгой моралью Вуллета также едва ли состоится, однако Стрезер откроет, что жизнь не завершена, до тех пор пока им движут чувства поклонения красоте, творчеству, а любовь все еще живет в его сердце.

Литературные критики справедливо называют позднюю прозу Джеймса философской [1; 5; 7; 8]. Несомненно, тенденциозно выстроенный сюжет-поиск и герой, которого посещает истина-озарение, присутствуют в текстах «Веселого уголка», «Зверя в джунглях», «Послов». Однако утонченный артистизм писателя, освоённые им приемы символического иносказания, смешение жанровых кодов², обилие синэстетических ассоциаций обрекают читателя на трудный путь-восхождение к универсалиям смыслов культуры, вневременных и вечных, следуя Джеймсу.

Библиографические ссылки

1. *Анцыферова О.* Творчество Генри Джеймса: проблема литературной саморефлексии : дис. ... докт. филол. наук : 10.01.03 / О. Анцыферова. – М., 2002. – 400 с.
2. *Джеймс Г.* Веселый уголок / Г. Джеймс // Повести и рассказы. – Л. : Худож. лит., 1983. – С. 633–671.
3. *Джеймс Г.* Зверь в джунглях / Г. Джеймс // Повести и рассказы. – Л. : Худож. лит., 1983. – С. 588–632.
4. *Джеймс Г.* Послы / Г. Джеймс. – М. : Наука, Ладомир, 2000. – 374 с. – Режим доступа: http://aldebaran.ru/author/djeyims_genri/kniga_poslyi/
5. *Душинина Е.* Об искусствоведческих истоках названия романа Г. Джеймса «Послы» / Е. Душинина // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. – 2008. – № 2. – С. 141–144.

² Критики осторожно и переменчиво определяют жанры рассказов и романов Джеймса. Так, «Веселый уголок» называют историей о призраках, философской фантазией, психологической готикой, «Зверь в джунглях» – аллегорией, пародией на псевдоромантические ценности, текстом, предваряющим тему экзистенциального абсурда. «Послы» именуют философским романом, черной комедией.

6. Зверев А. Джеймс: пора зрелости / А. Зверев // Вопросы литературы. – 1999. – № 3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/1999/3/zver.html>

7. Селитрина Т. Генри Джеймс и проблемы английского романа (1880–1890-е гг.) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.05 «Литература народов стран зарубежья» / Т. Селитрина. – М., 1989. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com>

8. Селитрина Т. Париж как символ культуры в романе Г. Джеймса «Послы» / Т. Селитрина // Мировая литература в контексте культуры. – 2008. – № 3. – С. 117–118.

9. Bloom H. Introduction / H. Bloom // Henry James's "Ambassadors" / [ed. by H. Bloom]. – N. Y. : Chelsea House, 1988. – P. 1–12.

10. Butler Ch. Introduction / Ch. Butler // James H. The Ambassadors. – Oxford : Oxford : UP, 1985. – P. VIII–XVIII.

11. Giovanielli T. The Jamesian Jungle of Plot(lessness) // Giovanielli T. Creative Constriction: The Use of the American Short Story at the Turn of the 20th Century / T. Giovanielli. – Rochester : University of Rochester, 2009. – P. 15–92.

12. James H. The Ambassadors / H. James. – Oxford : Oxford UP, 1985. – 510 p.

13. James H. The Beast in the Jungle / H. James. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/1093/1093-h/1093-h.htm>

14. James H. The Jolly Corner / H. James. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/1190/1190-h/1190-h.htm>

Надійшла до редколегії 20.03.2015 р.